

Евгений Пальцев:

"Я верю в высший разум, который нами управляет..."

Петербургский бард рассказывает о себе, о времени, о творчестве

Имя питерского барда Евгения Пальцева известно не многим. Даже истинные ценители авторской песни не слышали о нем практически ничего. Мое же знакомство с творчеством этого замечательного человека состоялось в электричке.

Ужель тот самый здесь Евгений?

Как-то вечером я ехал из Зеленогорска и из уст одного из транспортных музыкантов услышал песню "Голуби". Я был очень удивлен силой текста и решил выяснить, кто его автор. Тогда-то я и услышал имя Евгений Пальцев. И вот я в Аничковом дворце, месте, где работает Евгений.

- Евгений, давайте начнем ab ovo, то есть с самого начала. Расскажите, как вы начали писать песни.

- Началось все в конце 80-х, когда я написал первую песню - по случаю дня рождения моего друга. Потом ко мне стали обращаться знакомые с просьбой написать песню про человека, которого я вообще не знаю. Почему-то первая песня имела большой успех. И я тщеславно подумал: "Может, попробовать написать что-то более серьезное?" С тех пор и пишу...

- У вас были какие-то идеалы для подражания, кумиры?

- У нас есть три "кита" авторской песни (Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Александр Галич), которые задали такую высокую планку, до которой современным авторам-исполнителям тянуться и тянуться... Вот и стараюсь достигнуть если не их уровня, то по крайней мере добраться до того места, откуда будет видно эту планку.

- Евгений, про вас нигде ничего не узнать. Ни в одном музыкальном магазине города не найти ваших кассет, и про концерты тоже не слышно. В чем же дело?

- Ну не то чтобы совсем. Хотя в магазинах города кассет действительно нет. В 1991 году был проведен всегородской фестиваль авторской песни, в котором и мне довелось поучаствовать. На нем мне достался приз за самую остроумную песню (называлась она "Марксистский вальс", тогда это было очень остро), и как-то так получилось, что меня заметили. Начались выступления, концерты. Даже гастроли по Сибири были вместе с другими, сейчас более известными авторами. А потом все связи как-то стали рваться, и сейчас восстановить их будет очень сложно. А так - у меня есть кружок (небольшой, правда) постоянных зрителей, которые приходят на все концерты.

- Насколько я понимаю, большое место в вашем творчестве занимает наш город. Почему именно городу посвящено порядка двадцати ваших песен?

- Я родился в Ленинграде, а живу в Петербурге. Более того, когда меняли название, меня в городе не было. Получилось, что уехал я из Ленинграда, а приехал в Санкт-Петербург. Мне показалось это символичным, и я даже написал песню "Путешествие из Ленинграда в Петербург". А если говорить в целом, то я люблю этот город. Город Пушкина, Ахматовой, Мандельштама. Потому и пишу о нем... вообще если человек в чем-то талантлив, если он художник, поэт или прозаик, то он должен, по моему, какую-то частичку себя отдавать городу. А если Богом дана в руки гитара и пишется что-то, сочиняется, то мимо этой темы пройти просто нельзя.

- Во многих ваших песнях есть слово "бог", однако я бы не сказал, что вы набожный человек. Вы верите в него?

- Я не могу сказать, что верю в какого-то определенного бога. В бога Будду или в бога Аллаха. Я верю, что есть какой-то высший разум, который всеми нами управляет. Меня интересует религия, но не какая-то определенная. Когда я бываю в новом городе, то обязательно стараюсь зайти в храм. Не важно, в синагогу или церковь, мне важно ощущение прикосновения ко Всевышнему.

- Вы никогда не пробовали играть с кем-то еще? Например, разложить песню на две гитары или подключить флейту к аккомпанементу?

- Как-то на дне рождения одного моего друга меня попросили спеть. Я взял гитару и начал играть. Тут другую гитару взял еще один человек, как оказалось, великолепный гитарист. Причем, что интересно, слепой от рождения. Мне тогда очень понравилось, что он с ходу

поймал и ритмический рисунок, и саму мелодию, и получилось просто великолепно. С тех пор мне не удавалось с ним встретиться (он живет в Луге), и на этом опыт игры дуэтом у меня исчерпан. Хотя некоторые песни, несомненно, нуждаются в дополнительном инструменте. К примеру, песня "Баллада о трубаче". Там явно не хватает трубы.

- Евгений, все пишут песни по-разному. Поделитесь секретом, как это делаете вы.

- Да, интересный вопрос (смеется)... Чаще всего приходит в голову первая строчка или целое четверостишие. Потом сочиняется мелодия, на которую потом уже проще нанизывать оставшиеся куплеты. Бывает, очень быстро приходят в голову строчки и просто с листа, набело возникает новая песня. А бывает, долго мучаешься и никак не подберешь подходящих слов. Но в конце концов что-то шелкает в голове, и строчка придумывается. Как выпиваешь стакан

хорошего вина: остается чувство какой-то удовлетворенности, и тогда понимаешь - да, это то, что ты хотел сказать. Причем в последнее время как-то мало пишется, причем не только мне. Практически все мои друзья-поэты говорят и жалуются на то же самое. Видно, время какое-то особенное...

- Интересно, кто ваш самый строгий критик.

- Конечно, самый строгий критик для меня - это зритель. Если ему понравилась песня, то я понимаю, что мне удалось сказать то, что хотел. Вообще же я сам себя критикую, если можно так выразиться. То есть отбираю слова песни так, чтобы они понравились мне и, конечно, слушателям.

- И последний вопрос. Вы пишете для себя или для окружающих?

- Я хочу поделиться тем, что у меня на душе. Поэтому я пишу для людей, которые меня окружают.

Денис ГЕНЕРАЛОВ

СПОЕМТЕ, ДРУЗЬЯ!

Голуби

Нету спасу от шальной просины,
Ветер хлещет по щекам ратушу.
Дело близится уже к осени,
Скоро будет по дождю на душу,
Скоро будет по беде каждому,
Расплывшись за печаль

сотенной...

Что же делать нам теперь,

граждане,

В яме той, что мы зовем Родиной?

А в Париже листопад бежевый.
Эх, умеют сладко жить вороги!
А истощный мой мотив, бешеный
Гонит с кладбища листву под ноги.
К небу тянется земля церковью,
И родная на камнях литера.
Я строкой вас разбуду цепкою,
Я люблю вас, я пришел из Питера.

Голуби в багряном высоке
Летят в Россию за теплом и хлебом,
И плещется печаль

в любой моей строке

Под этим голубиным

теплым небом.

Ах, окликните меня кто-нибудь,
Я забыл, как пьют и как молятся,
Пробежать бы босиком по небу,
Только звезды до крови колются.
Взрежет небо

Рождество звездочкой,
Волшебство махнет крылом

галочным,
Глядь, Некрасов на скамье

с тросточкой

Под салаку водку пьет с Галичем.

На газетке стаканы с крохами,
Только в нашей чертовне важно ли,
Хорошо ли вам жилось, плохо ли,
Но сейчас у нас беда, граждане!
К черту этот листопад бежевый,
Снова ладит свой ковчег

в поте Ной,

Я кричу не докричусь: где же вы? -
Из несчастья, что зову Родиной.

Голуби в багряном высоке

Летят в Россию за теплом

и хлебом.

И плещется печаль

в любой моей строке

Под этим голубиным

теплым небом.

И гитарой, что крылом галочным,
Я взмахну, чтобы земля видела,
Что Некрасов пьет стакан

с Галичем,

Я люблю вас, я пришел из Питера!
Выйдет на небо гроза, топая,
И пуста скамья, и храм в золоте,
Но слетят на плечи мне с тополя
Две голубки на ветру-холоде.

Нас отчаяньем беда чистила,
Гнев морщинами на лбу выступил,
Но живет еще в Москве истина,
Та, что сердце нам взяла

приступом.

Я зову не на пиры в проруби,
Я зову не за столы - в полымя!
Возвращаются домой голуби
Пламя крыльями гасить голыми.

Голуби в багряном высоке

Летят в Россию за теплом и хлебом,
И плещется печаль

в любой моей строке

Под этим голубиным

русским небом.